

не добудились въ спектакль, и его роль цѣликомъ выпустили; въ другой разъ, во время вызововъ, по окончаніи пьесы, раздался гомерический хохотъ публики; отчего? думаемъ; глядь—актеръ, столкнутый, по ходу пьесы подъ скамью, остался подъ нею и во время вызововъ преснокойно спящимъ.—А тутъ еще почтенные покровители искусства съ шампанскимъ и угрозами освистать: коли, да ежели, не выньешь—аминь! Пьесы приходилось ставить все новыя: повторенія были немыслимы, потому что каждая шла наизнанку. Я долженъ былъ перечитать всю рухлядь, уладить раздачу ролей, учить и играть свои роли, присутствовать въ театрѣ до конца репетиціи и спектакля, придти первымъ и уйти послѣднимъ, выслушивать десятки претензій, держать корректуру афишъ, учить „вечеровыхъ“ на Велизарія, Смерть Ляпунова и проч. Труша была *не дублерная*: *) не мудрено, что я и товарищи мои были разбиты, какъ шоссейные лошади. Это былъ какой-то без-

*) Шозже, въ видахъ ежедневныхъ спектаклей, въ Харьковѣ стали составляться большія труппы: по два-по-три артиста на каждое амплуа. Тоже видимъ мы теперь и въ Одессѣ.

конечный, тяжелый сонъ, полный шума, ругни, однихъ и тѣхъ же огней, однѣхъ и тѣхъ же увертюръ и полекъ. Рады были прийти домой, рады уснуть, но и во снѣ грезилась все также наша жизнь: кривляніе передъ хозяиномъ, двуличіе, обманъ, нужда. И дни-то мы называли не четвергъ, не воскресенье, а Клара д'Обервиль, Жертва за Жертву!

Знакомство съ людьми пшаго міра было шапочное или рюмочное. На приглашеніе хорошихъ людей „бывать“—мы поневолѣ должны были отказываться: не могли же мы являться къ нимъ въ часъ ночи.

Чтобы облегчить себя хоть немного, мы оставалось отказаться отъ режиссерства. Но это было легко подумать, а не выполнить: приходилось терять режиссерскіе 50 руб. (въ мѣсяцъ) и поль бенефиса; а у меня на шеѣ были долги—я лѣтъ былъ безъ мѣста—платье обносилось, бѣлье пстрапалось, шубенка была вся въ клочьяхъ. По тѣмъ же причинамъ не приходилось бѣжать и товарищамъ отъ этой страды. Намъ оставалось или одурѣть на работѣ, или... отдыхать отъ театральной эксплоатациіи въ пивныхъ, въ трактирахъ.

Мы это и дѣлали. Въ сторонѣ отъ театра мы были счастливы хоть на минуту. Мы людей видѣли! Не марionетокъ Дья-

ченко, не французскихъ изверговъ и пѣтуховъ, не замаскированныхъ товарищ... мы людей видѣли!

Старикъ профессоръ Борисякъ говорилъ мнѣ: „вы шутъ, который боится заплакать!“ Да, я боялся заплакать. Развѣ я былъ служитель искусства? Я былъ батракъ итальянца-антрепренера, готовый на всякую работу, только бы прикрыть свое тѣло и утолить голодъ. Театръ, освѣщеній въ годы студенчества солнцемъ, превратился въ лужу грязи, слякоти, где стояли мы все по-колѣно. Въ работѣ не было своего *я*, не было земскаго дѣла... Мы только въ погребкѣ и трактире говорили и дѣйствовали *не* по приказу, говорили *свои* мысли, преслѣдовали свою цѣль; мы тамъ были не придирчивы, не злы: передъ нашими глазами не было антрепренера.

„Порядочное“ общество глядѣло на насть не то съ презрѣniемъ, не то свысока. За что оно третировало насть гуляками, шарлатанами? Не дѣлали ли эти „порядочные“ люди то же, что мы? Чѣмъ работа, напримѣрь чиновника, царанающаго всю жизнь бумагу — производительнѣе была нашей?.. Пьянницъ среди насть не было: мы только не имѣли средствъ, да и считали глупымъ,ходить въ кондитер-

скія и буфеты и платить двадцать копѣекъ за то, что имѣли въ кабачкѣ за че-
тыре коп. Подлости мы не сдѣвали: мы
по своему роптали, что нась заставляли
нести всякую дрянь...

Такъ шло до ноября. Ежедневные спектакли улаживать дѣлалось труднѣе и труд-
нѣе: ропотъ роствъ, ролей не брали. Го-
родъ сталъ тоже волноваться. Дѣло въ
томъ, что нашъ импресаріо не везъ
итальянской оперы: увѣдомлялъ изъ Та-
ганрога „везу, везу“—и ни съ мѣста. Мы
сначала радовались, полагая: вотъ-вотъ
отдохнемъ, чередуясь съ итальянцами! Но
чаша переполнилась...

Отъ лица большинства артистовъ по-
шелъ лазить по приемнымъ почетныхъ ди-
ректоровъ.

— Что такое, что? Игратъ четыре раза
въ недѣлю?.. почему? какъ? *Онъ* обязался
ежедневно.

— Но, ваше прѣство, итальянцы...

— Что итальянцы? что? За это мы съ
него взыщемъ. А публика не виновата:
ей надо ежедневно.

— Но вѣдь и мы невиноваты. За
что же...

— Мы поставлены бречь интересъ пуб-
лики. Нельзя! Мы вотъ вызываемъ его
телеграммою: прѣдѣтъ—говорите ему. Ну,

онъ тамъ прибавитъ вамъ, что ли! А лишать публику... нельзя, нельзя!

Надежда на дирекцію рушилась...

Вскорѣ совершилось то, къ чему я собственно всю предыдущую рѣчь велъ.

-- *Ему* отказали... онъ больше не антрепренеръ... не привезъ итальянской оперы... Дирекція сдала театръ другому лицу *безъ сохраненія условій съ артистами!*

— „Что дѣлать?“ „какъ быть?“ сыпалось у насъ въ театрѣ.

Оставалось хоть вырвать жалованье за прослуженный мѣсяцъ. Мы вытребовали на сцену управляющаго (*самъ* не приѣхалъ, а прислалъ дирекціи телеграмму, что опера, молъ, не будетъ).

— Что вамъ?—Жалованье.—У меня денегъ нѣть.—Какъ нѣть?!... Мы взяли :а этотъ мѣсяцъ слишкомъ одиннадцать тысячи сборовъ. — Истрачены. *Онъ* велѣлъ заплатить прошлогодній долгъ въ гостиницу за итальянцевъ, рояль купленъ, *ему* выслано... Оставлять театръ за нимъ, онъ заплатить.

Снарядили меня къ самому влиятельному лицу въ городѣ.

— „Вѣдайтесь съ нимъ“, былъ отвѣтъ.

— У насъ контракты на бланкахъ *дирекціи*.

— Онъ не имѣлъ права.

— Намъ разданы печатныя правила дирекціи.

— Вотъ въ силу правилъ, дирекція и отказываетъ ему, какъ не сдержанвшему условій съ городомъ. Войдите въ переговоры съ новымъ антрепренеромъ.

— Но вѣдь теперь зима, всѣ труппы биткомъ: новый антрепренеръ можетъ сдѣлать съ нами что захочетъ. Нельзя ли обязать нового антрепренера сохранить наши прежнія условія?

— Мы этого не можемъ. Онъ иначе не беретъ театра.

Вышло, что приказывать штрафовать актеровъ за незнаніе ролей, требовать, чтобы не только рядового, но и бенефисный афиши, *непременно* печатались въ жалкой губернской типографії, не имѣющей даже нужныхъ шрифтовъ, и т. д.— дирекція *можетъ*; но положить предѣль непосильной работѣ, сдержать контракты— *не можетъ*.

Мы не получили нашихъ денегъ за мѣсяцъ: актеры, музыканты, капельдинеры, рабочіе—человѣкъ около сотни! У каждого изъ этой сотни были или жена, или дѣти, тетки, матери... На худой конецъ— триста душъ! *).

*) Эти деньги большинствомъ до сихъ

Изъ-за чего? Изъ-за итальянской оперы.
На антрепренерскомъ языке это значи-
ло: умѣть пользоваться обстоятельствами...

На слѣдующій сезонъ я попалъ въ
Одессу. Въ городскомъ театрѣ *) русскіе
играли два-три раза въ недѣлю: изъ харь-
ковской почтовой клячи я могъ сдѣлать-
ся актеромъ! Служить въ одесскомъ теа-
трѣ считалось между актерами за счастіе...
Но вышло не то.

Начну съ репетицій. Сборной или ку-
рильной комнаты для актеровъ не было **).
На сценѣ и за кулисами была вѣчна яр-
марка. Итальянскіе хористы (преимуще-
ственно евреи, хромые, косые, отмѣнно
длинные и невѣроятно коротенькие), хо-
ристки (лѣтъ по сорока каждой); музы-
канты въ оркестрѣ,—все это говорило во
весь голосъ, кашляло, пробовало голоса,
инструменты... Режиссеръ (онъ же управ-
ляющій) былъ вѣчно запятъ въ конторѣ
разными счетами. Маленькимъ актерамъ

поръ не получены. Получили только три-че-
тыре артиста, попавшихъ въ Таганрогъ на
слѣдующій сезонъ къ тому же антрепре-
неру.

*) Сгорѣлъ 2 января 1873 года.

**) Не было ее и послѣ, когда дума ис-
тратила на поправки театра (въ разное вре-
мя) далеко за 100 т. р.

некому было указать, откуда войти, где
стать, что делать. Суфлера настоящего
не было: приглашенный не приехалъ, а
прежнему пожалѣли прибавить 10 руб. въ
мѣсяцъ; суфлировали маленькие актеры,
а въ особенно торжественныхъ случаяхъ—
самъ управляющей. Репетицію должны
были обязательно кончить къ 12 часамъ:
въ 12 начиналась итальянская. Сдѣлать
этого, конечно, никогда не успѣвали: и
вотъ русскіе обыкновенно отправлялись
со сцены въ контору *дорепетировать*.
Контора была крохотная. Въ нее постоянно
входили по дому танцовщицы, шѣвцы,
хористы, музыканты, рабочие, публика;
разные Федоры и Гришки приносили за-
кулиснымъ тузамъ и тузихамъ кофе, со-
довую воду; за дверями оркестръ гремѣлъ
какую-нибудь оперу; итальянскія груди
надѣдались... Хаосъ!

— Помилуйте: у нихъ генеральная ре-
петиція! оправдывалась администрація.—
А у насъ унтеръ-офицерская, что-ли
гаркнуль ей нѣсколько лѣтъ назадъ Ви-
ноградовъ.

Такъ и пошло съ тѣхъ порь гулять это
слово: пойдемъ, моль, унтеръ-офицерскую
репетицію дѣлать!

По репетиціи можно судить, каково
должны были идти спектакли. Если-бы не

счастливый подборъ трупны, выручавшей и спасавшей пьесы своимъ талантомъ и находчивостью, такие спектакли следовало бы закрыть. Парижмакера сноснаго не было; парики за ветхостью превратились въ закорузло-дырявый шкурки; костюмы (кромѣ русскихъ)—рухлядь; (были и хороши, но они давались итальянцамъ); для итальянцевъ полагалось два портныхъ, для русскихъ—одинъ; сквозной вѣтеръ гулялъ по сценѣ всюду; въ коридорѣ, около мужскихъ уборныхъ, въ зимнее время набивался снѣгъ; ретирадникъ изображала дырявая будка на черномъ дворѣ, открытая всѣмъ четыремъ вѣтрамъ; поль на сценѣ никогда не мыли, „чтобы итальянцы не простудились“; мебель и декорации ставились не по ходу пьесы (напр. 2-й актъ „Ревизора“ играли ~~постоянно~~ въ комнатѣ съ колоннами и тремя дверями); за кулисами сущия; грызня изъ-за огарка свѣчи *); перебранки помощника режиссера съ реквизиторомъ, съ маленькими актерами. И все это покрывалъ голось

*) Для одѣванія полагалось *большимъ* актерамъ двѣ свѣчи, *маленькимъ*—одна. Давали шестерикъ, а то и восьмерикъ... Понятно, что къ концу спектакля свѣчей не хватало

какого-нибудь разбѣшенаго артиста: „я не позволю надѣть себѣ шутить!“ и губы его дрожали, глаза вертѣлись. А тутъ его выходъ...

— Актеръ Казаринъ, издавна осѣдланный администрациею во всѣ тяжкія, очень оригинально протестовалъ противъ этой неурядицы *): затурканный и обруганный въ антрактахъ, онъ сплошь и рядомъ, играя старика, вылеталъ на сцену въ лысомъ сѣдомъ парикѣ, безъ подмазки, съ торчащими на лбу клокомъ своихъ черныхъ волосъ.—„Вотъ-же имъ, черти!“ говорилъ онъ, скрипя зубами.

Два слова объ этой почтенной личности. Говори объ одесскомъ театрѣ, умолчать о В. Г. Казаринѣ немыслимо. Это хотя и длинное, но маленькое, по жалованью, существо, десятки лѣтъ было для театра тоже, что шестерня на мельнице. Большое колесо гордо вертится, брызжетъ волнами и иѣной, всѣ на него заглядываютъ, а маленькая шестерня гдѣ-то запрягана въ темнотѣ и никто не видитъ, что безъ нея все дѣло стало бы. Не хватало любовника—дѣлали любовникомъ К., ко-

*) Открытие въ Одессѣ графами Морковыми и Чернышевымъ другаго театра, нѣсколько подтянуло городской театръ.

мика—его-же, нужно было замыпить суп-
лера или кассира—К., сбѣгать въ типограф-
ию—К., скалить вину съ себя—К., тащить
мебель на сцену—К. Не разъ Казаринъ,
во время спектаклей, накидывалъ паль-
тишко на испанскій костюмъ и въ трико
и башмакахъ летѣлъ въ морозы и сля-
коть куда прикажутъ, скрипя зубами и
кашляя какъ изъ бочки. Если сосчитать
экономію, какую онъ дѣлалъ од. антре-
призѣ, образуются тысячи... За все это
онъ получалъ 50 р. въ мѣсяцъ! Издерган-
ный, съ разбитой грудью, онъ когда-то
волновался, протестовалъ *иначе*, занимал-
ся ролями, потомъ, стертый какъ мѣдный
гронть, отошелъ въ ряды несчастныхъ
корифе, преобразился въ клячу, вѣт-
но осѣдланную, вѣчно готовую та-
щиться куда погонить кнутъ хозяина, съ
печальнымъ выраженіемъ въ глазахъ: мнѣ
за это дадутъ клокъ соломки ^{*)}!

Режиссеру нужно было, чтобы спектакль
шелъ; антрепренеру—рубль превратить въ
десять... При такихъ условіяхъ, хорошихъ
отношеній между антрепризой и нами пе-

^{*)} Клокъ соломки дали: онъ умеръ прежде-
временно... Схороненъ въ Одессѣ на счетъ
извѣстнаго кутица В. И. Ширяева.

Поздн. прим. Л. С.

могло быть: антреприза сочла и клеймила насъ *неблагодарными* (?); мы же—видѣли, что тутъ не цѣли искусства, а *торговля*, отдающая насъ сплошь и рядомъ въ руки жидовъ-ростовщиковъ...

Это не все. Намъ выпала здѣсь на долю новая пытка: предстояло на опытѣ убѣдиться, каково пріятно было нашимъ дѣдамъ-актерамъ принимать отъ щедротъ публики кошельки съ рублевиками. Но въ старину это имѣло форму *подарка*; здѣсь же—форму *милостыни* нищему на мосту.

Градская дума запрещала возвышать цѣны въ *кассы* *),—вотъ мы и ухитрились продавать билеты на наши бенефицы... въ театральномъ буфетѣ! Винить насъ за это нельзя: много-ли досталось бы актеру на полбенефицъ по обыкновенной цѣнѣ, за вычетомъ ста руб. расхода? При биткомъ-набитомъ театрѣ 310 рублей (полный сборъ по русскимъ цѣнамъ былъ 720 р.). Вычтите изъ этого добавочная деньги за увеличенный форматъ афиши, за выписку пьесы, водочный восьми капельдинерамъ, десяти рабочимъ, истопнику, сторожу, портному, парикмахеру, наборщикамъ, афишеру... все это рвало полбенефицъ на кусочки. (Позже дума выду-

*.) Позже дозволила.

мала еще налогъ 10%). Это сидѣніе и вымаливаніе въ буфетѣ у публики лишняго рублика, кидало всю кровь то въ голову, то къ сердцу...

Пока довольно. Я взялъ два *лучшихъ* театра. Читатель самъ пойметъ, что творилось и творится въ тѣхъ театрахъ, гдѣ уборныхъ съ землянымъ поломъ, или сквозить какъ рѣшето; гдѣ выходныя двери со сцены прямо на улицу; гдѣ актеръ, изображая Гамлета, не попадаетъ зубъ на зубъ отъ холода *); гдѣ платить жалованье по рублямъ или... билетами въ театръ! гдѣ антрепренеры говорятъ „атація

*) Одно изъ такихъ *цивилизующихъ* зданій, разбившихъ здоровье не одного актера на всю жизнь, красуется безобразной массой въ Одессѣ,—не въ бѣдномъ городѣ, не въ Царевококшайскѣ какомъ-нибудь, а въ *золотой Одессѣ!*—Другое подобное, со всѣми аксессуарами тифа, выросло недавно тамъ же—театръ Великанова: сцену, вмѣсто потолка, отдѣляесть отъ наружного воздуха одинъ желѣзный листъ.—(Года четыре назадъ—первое сломали; во второмъ надумались сдѣлать крышу какъ слѣдуетъ, такъ что артистамъ не приходилось перепрыгивать съ мѣста на мѣсто оттого, что непрошенная капля дождя или подтаявшая отъ газа сосулька попадали за шею.

Поздн. примѣч. Л. С.).

(т. е. интонація) у васъ не каратыгинская". Изъ такихъ театровъ одна дорога—въ больницу. И я знаю многихъ товарищій, которые, схвативъ жесточайшіе ревматизмы, ташутся на репетиціи и въ спектакли подъ вліяніемъ морфія и—играютъ! или доживаются свой вѣкъ въ какомъ-нибудь жалкомъ углу.

Ясно, что это не театры, а кузницы, гдѣ кують аферисты деньги. Судите-же, какъ бѣденъ и голоденъ долженъ быть русскій актеръ, когда идетъ играть въ эти „ледяныя“ зданія!

Дѣло такъ ловко обставлено наживателями копѣйки, что само общество не занась, обиженныхъ, нуждающихся... Примѣровъ много.

Въ Киевѣ общество (въ лицѣ градской думы) пускаетъ русскую драматическую труппу играть *только лѣтомъ*.

При перестройкѣ одесского городского театра въ 72 г., предложеніе нарисовать на ложахъ, вмѣстѣ съ композиторами и писателями, портреты Щепкина и Мартынова встрѣтило отпоръ.

Послѣ пожара того-же театра (январь 73 г.), итальянцамъ было *мгновенно* собрано по подпискѣ 8 т. р.; русскіе-же хлопотали-хлопотали, унижались-унижались и еле добились черезъ *четыре недѣли* од-

ной тысячи рублей, а черезъ семь недѣль — еще двухъ тысячъ и то при помощи полиції *) и собственаго участія въ спектакляхъ, устроенныхъ съ этою цѣлью.

Въ Казани возстали противъ той молодежи, которая во имя блага русскаго актера, прокатила свистками „шикарный канканъ“ представительницы Оффенбаха.

Всего не перечтешь...

Русскіе актеры не развиты, невѣжественны! отвѣчаютъ на это. Они достойны своей участіи.

Я знаю „образованныхъ“ актеровъ. Но они падали, падаютъ...

Это не отвѣтъ. „Отчего“ тутъ не останавливается. Вѣдь это все равно, что сказать: негры оттого умирали на невольничихъ корабляхъ, что въ трюмѣ былъ мракъ, что они неразвиты. Истинный виновникъ — не мракъ, а тотъ торговъ, который смотрѣть на человѣка, какъ на товаръ... Молчать объ этомъ торговъ — нельзя.

У насъ молчать.

Не понимаю я этого и спрашиваю, за-

*) Были разданы частнымъ приставамъ подпісные листы. Одинъ приставъ съ цѣлаго участка собралъ 6 р. 30 к.! Жертвовали по пятаку.

чѣмъ общество и пресса, обходя антре-
призу, бросаетъ свои стрѣлы на *нашу*
голову?

Куда ни взгляни, всюду широги пекутъ
не сапожники: инженеръ ты, инженеры
тебя и муштруютъ, сапожникъ—сапожни-
ки тебя и обрабатываютъ. Только въ теа-
трѣ „святымъ“ искусствомъ править афе-
ристы всевозможныхъ націй. Весь жаръ
загребаютъ ихъ руки.

Будущее русского театра—въ провин-
ції. Столичные театры упали. Мартыно-
ва, Садовскаго нѣть; другіе „сгорѣли“.
Молодые... кто? Не изъ театральной-же
школы. Обеспеченные на завтра, играющіе
по 10 разъ въ сезонъ одну и ту же пьесу,
они мало имѣютъ поводовъ задумываться
надъ окружающимъ. Они выродились въ
чиновниковъ. Тамъ теперь сажалка лѣно-
сти. Наѣзжая къ намъ въ провинцію, они
поражаютъ насъ или незнаніемъ ролей,
или коммерческими соображеніями *).

*) При мнѣ одна столичная знаменитость
въ Кіевѣ, играя въ Свадьбѣ Кречинскаго, не
знала роли Расплюева до такой степени,
что провинциальній Кречинскій отказался
съ нимъ играть. Другую знаменитость (тамъ-
же) спросили: какъ вы будете играть въ
лѣтнемъ театрѣ? Во время дѣйствія, въ са-
ду—музыка, говоръ толпы, трескъ отъ фейер-

Откуда при свободѣ театровъ (даже и безъ нея) взять дѣятелей сцены? Съ провинціи. Провинціальный актеръ—только известная сила, которою антрепренеръ старается набить свой карманъ. Ему нѣть отъдыха, потому что антрепренерскій флагъ прикрываетъ все. Но эта сила—человѣкъ; изъ двадцати—двадцать первый барахтается, по своему протестуетъ; у него есть моменты торжества. Въ столицахъ протестъ ведеть къ гибели; въ провинціи—терять нечего: живешь день до вечера. Мыслящее и живое идетъ не туда, куда приказываютъ, и если падаетъ, то поднимается съ новой силою въ свою минуту.

Да, я вѣрю: ранѣе или позже, такъ или иначе, провинція подниметъ *спущенную петлю* искусства.

Но для этого нужно сознать окружающему обществу и моимъ товарищамъ, что авгіевы стойла и театръ—не одно и тоже.

верка.—А мнѣ что: мнѣ, батенька, нужно свои дѣла поправить. Въ Нижнемъ, въ „Горѣ отъ ума“, мнѣ поставили облака вместо лѣстницы—игралъ.—О, тѣнь Щелкина! Взгляды на своихъ учениковъ.

XII.

Судьбы актрисы и актера.

ОЛНА условій театральной жизни, хлещущая изо дня въ день, гнала нашихъ отцовъ все ниже и ниже... Какъ же выдержали эту волну мы, болѣе развитые, болѣе опытные?

Первымъ дѣломъ, мы растерялись среди той грязной лужи, въ которую попали. Какія-то одурѣлые, измученные фигуры, кричали вокругъ насть два слова „жратъ“, „ролей“, тянули насть за собою и мы бросались за ними въ какую-то пропасть, съ тѣми-же криками „жратъ“, „ролей!“. Роли пріобрѣтались, а жратъ все было мало. Какой-то невидимый врагъ вырывалъ у всѣхъ кусокъ хлѣба. Кто-то пользовался

каждой нашей ошибкой, каждой неудачей, и урѣзывалъ—урѣзывалъ трудовыя копѣйки... Убиваясь и голодая на сценѣ, мы были на столько наивны, что думали: нужды нѣтъ—мы все-таки дѣло дѣлаемъ! Потомъ и эта „утѣха“ исчезла... Мы увидали, что тутъ не „дѣло“, а пѣтушиные пѣсни, обнаженіе формъ, отталкивающіе и пьяные типы, созданные вереницей драматурговъ... какой-то пьяный, скромный сонъ. О культурной жизни русскаго человѣка и помину нѣтъ... А вокругъ—публика и пресса, кидала намъ укорь: нѣтъ истинныхъ актеровъ! Публика и пресса хотѣли слить морозъ и цвѣты, ледъ и огонь... Крикуны и „печататели“ не понимали, что для истинныхъ актеровъ не было друзей писателей, не было театра, не было товарищъ. Драматурги не поднимали нравственный уровень публики, а сводили все на грубый, оскорбительный для человѣчности типъ;—этотъ типъ въ актера въѣдался—въѣдался... Таланту оставалось чахнуть въ общихъ сценическихъ мѣстахъ; кружиться среди содома и гоморры, среди визитовъ публики, валящей за кулисы въ калошахъ и шляпахъ, не понимающей, что кулисы и уборная своего рода наша *юстицная*, нашъ *кабинетъ*, — среди

грызни съ ни чѣмъ неповинными портными, парикмахерами... среди всего того, что называется русскимъ театромъ.

Таланту оставалось дѣлать тоже, что и другое, т. е. превратиться въ клоуна съ *гребешкомъ*, или... бѣжать. Но легко сказать „бѣжать“ — трудно сдѣлать. Театръ — змѣя, чарующая своимъ взглядомъ, та гора изъ 1001-й ночи, которая вырываетъ гвозди изъ приближающагося корабля и идетъ онъ ко дну. Одного дурманить само дѣло: вызовы, слава, другаго—любовишка, третьяго—легкая добыча денегъ. По-немногу-по-немногу, и не опомнившись, какъ привычка охватываетъ своими желѣзными лапами и нѣмѣющею сознаніе шепчетъ „поздно“. Привычка гонитъ насъ въ театръ, когда не заняты; привычка заставляетъ не служащихъ старыхъ, глухихъ и слѣпыхъ, поросшихъ мохомъ актеровъ и музыкантовъ, сновать въ часы репитицій мимо театра. Я зналъ одного портного, который прослужилъ въ театрѣ 30 лѣтъ и, когда новая дирекція отказалась ему, онъ аккуратно тащился въ 10 часовъ утра къ театральному подъѣзду, садился на тумбочку и только тогда уходилъ, когда актеры расходились съ репитицій. Эту болѣзнь, это театральное съумасшествіе, въ большей или меньшей степени, можно

замѣтить во всякомъ актерѣ. Гадко, мерзко кругомъ, злоба беретъ, а все тянетъ! Не смѣйтесь. Припомните тѣхъ служанокъ въ пекарнѣ города Ла-Рошфуко, которые сидѣли по 10 минутъ въ хлѣбной печи, когда вокругъ жарились картофель и говядина. Что для ученаго—книга, лабораторія, для морехода въ зной и полярный холодъ—чашка чая, то для насъ — театръ. Какъ ни печально состояніе нашей драматургіи и закулисной жизни, все же оно хоть частицею *внѣшности* облегчаетъ горечь жизни: огни, музыка, жужжаніе публики... точно мурашки по тѣлу забѣгаютъ и смѣлѣе вскидываешь голову! Облегчаль-же театръ тяжесть „ста дней мрака“ экипажа коммадора Парри, затертаго полярными льдами.

— „Бѣжать нельзя... нѣть силъ, нѣть!“ шептали протестующіе. А тутъ вдругъ хриплый голосъ подсказывалъ „выходите“—и снова попло писать: „сядемъ подъ древо и выпьемъ“, „А и Ф“, „чтобъ понравиться ей, надо быть веселѣй“. Когда пиршество затихало и протестующіе забирались въ свои углы, имъ дѣлалось страшно... говорили знакомые, милые голоса *былыхъ* товарищѣй, работающихъ иначе, говорили что-то укоряющее, грозное. Пугливо озирались они—и молили о

пощадѣ. Накипало бѣшенство, желчь, месть. И они начинали бить словами тѣхъ людей, которые вырывали у нихъ изъ груди искру Божью, изъ головы—разумъ. Антрепренеры и обмороченные ими товарищи-актеры стали ихъ стороняться...—Ишь, какіе выискались! не находять въ театрѣ ни одного явленія, достойнаго сочувствія; рожденіе его признаютъ ненормальнымъ; драматурговъ называютъ нянѣками, рассказывающими сказку про бѣлого быка; насы—обезьянами. Слышите! Зачѣмъ же они въ такомъ случаѣ между нами: ну, и сидѣли бы съ своими образованными!

Приходилось маячить одинокую жизнь Явились былые друзья—книги. Въ душѣ стало теплиться что-то отрадное... оно формировалось, крѣпло: мерещились не разрозненные люди, забывшиѳ свои обязанности относительно родины, а дружно стремящіеся къ одной благой цѣли. И протестующіе снова полюбили несчастныхъ, пришибленныхъ товарищѣй. Они, какъ любящая мать, стали говорить имъ: — „Честнымъ искусствомъ жить невозможно, вы сами это сознаете. Кто же мѣшаетъ вамъ подумать о человѣкѣ актерѣ? Приспѣло самое время. Мы—таланты. Но развѣ талантъ долженъ отрицать все, что

ведеть къ лучшей жизни? Извлекли-ли мы изъ нашихъ силъ все, что можно? Довольно мы жили, не разбирая котомки, довольно изображали нищихъ на мосту. Нашъ репертуаръ бѣденъ и грязенъ... но кто-же велитъ намъ держать въ той-же бѣдности и грязи себя и семью? Аферисты посягаютъ на нашу личность, на нашу конѣйку; будемъ работать безъ нихъ. Потерять мы ничего не потеряемъ, потому что нечего, а выиграть выиграемъ. Такъ больше нельзя! нельзя! Опомнимься, оглядимся. Дѣла гибель, дѣло ждетъ насъ!"

Среди закулиснаго мрака стала намѣчиваться новый типъ... Къ нему стали присматриваться, прислушиваться; стали за нимъ спрашивать:—какъ мы живемъ? чтосталось съ нашимъ домашнимъ очагомъ? что ждетъ насъ подъ старость?

Говорятъ, не надо выносить соръ изъ пзыбы. Но зачѣмъ-же его оставлять? Развѣ жилье актера и помойная яма — одно и тоже? Развѣ слѣдуетъ говорить правду только въ судебной палатѣ?

Язываю къ памяти моихъ товарищѣй. Всякій изъ нихъ, если только захочетъ быть откровеннымъ, имѣеть о чёмъ поплакать. Да? Мнѣ только и нужно. Плачутъ о поторѣ хорошаго. Мы боролись по

мѣрѣ силь, пока не унали. Не наша вина, что наши поступки иногда гадки. Чѣмъ хуже мы, тѣмъ отвратительнѣе виновники нашей немощи. Повторяю, я не понимаю, почему надо прятать нашу жизнь.

Неприглядна она, печальна. Трудно живется старому типу. Да и можетъ ли быть иначе.

Не смотря на наши подчасъ губернаторскіе оклады, мы вѣчно въ долгу. Со стороны кажется, что „сытые“ актеры просто блажные расточители, побуждаемые къ тому нравственною распущенностью. Такъ ли это?

Два мѣсяца великаго поста даютъ намъ первый ударъ *) и, благо тому, у кого есть мѣсто на лѣто. Съ паденiemъ крѣпостнаго права, съ желѣзными дорогами, сдѣлавшими многія ярмарки немыслимыми, великий постъ — наль „мертвый сезонъ“, растянулся для многихъ изъ насть до августа: лѣтнія труппы рѣдко-редко гдѣ могутъ держаться. Если набиралось ихъ прежде 40 — 50, то теперь не насчитаете и половины.

Такъ или иначе, сезонъ начинашь

*) Напоминаю, что все это писано въ 75-мъ году.
Поздн. примѣч. Л. С.

всегда съ большимъ или меньшимъ долгомъ. Возьму для примѣра мѣсячный бюджетъ женатаго актера, получающаго 200 руб. въ мѣсяцъ и полбенефисъ за зимній сезонъ (шесть мѣсяцевъ): квартира — двѣ комнаты 30 р., обѣдъ 30 р., топливо и вода 8 р., хлѣбъ, чай и сахаръ 8 р., свѣчи 4 руб., прачка 12 руб., прислуга и ея столъ 20 р., табакъ 3 р., мелочь (извозчики, закуска, чтеніе книгъ и проч.) 10 руб.—Помимо этого: обновленіе своего и женина га гардероба, бѣлья, обуви и т. п. (перчатки для сцены, трико, башмаки, манжеты, парики и т. д.) — въ зиму 200 руб. За дорогу подобный актеръ обыкновенно получаетъ по второму классу желѣзной дороги на одно мѣсто (такъ какъ жена не служить) и за 5 пудовъ клади; положимъ, актеръ прибылъ изъ Кіева въ Одессу: два мѣста втораго класса, багажъ на худой конецъ 15 пудовъ, извозчики — все это мало-мало стоитъ рублей 40, — а получаетъ онъ отъ антрепнера 17 р., т. е. 23 р. изъ кармана. По приѣздѣ столъ и номеръ въ гостинницѣ до пріисканія квартиры 25 р. И того, съ извозчиками, вѣрныхъ 50 р. прибавляется еще къ полгодичному расходу; выходитъ 250 руб. Слѣдовательно, на мѣсяцъ падаетъ еще 42 р.,—составляетъ 167 р. въ мѣсяцъ ра-

сходу. Сначала кажется, какъ будто и остается что-то отъ 200 р. Но чтобы расплатиться въ гостиницѣ, дать впередъ за напятую квартиру, является необходимость обратиться къ антрепренеру съ просьбою „впередъ деньжонокъ“. Вотъ тутъ и является *второй* ударъ. Сдѣлаю два предположенія: антрепренеръ даетъ и не даетъ, ссылаясь на то, что „истрастился на наборъ труппы... лишнихъ, ей Богу, нѣть! а если хотите, я за васъ поручусь: возьмите у жида“. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вместо 200 р., приходится получать изъ конторы менѣе. А тутъ надо высылать проценты за просрочку великогостнаго или лѣтнаго долга, встрѣтилась надобность прикупить подсвѣчникъ, кадушку, кастрюльку, графинъ... дрова поднялись въ цѣнѣ... нечаянно разбиль стекло на портретѣ дорогаго существа... пьесу надо выписать къ бенефису... не хватаетъ, не хватаетъ! По выражению Слѣпцова „хощь Ѣшь, хощь гляди!“ Надежда остается вся на бенефисѣ, который, если не лопнетъ, только - только хватаетъ залатать все дырки. Но бенефисъ сплошь и рядомъ лопается.

Я бралъ бюджетъ актера, получающаго *исправно* жалованье. Но въ нашихъ контрактахъ есть пунктъ, который гласитъ:

жалованье выдается въ первыхъ числахъ каждого мѣсяца. Пунктъ крайне растяжимый... вслѣдствіе коммерческихъ соображеній антрепренеровъ. Бывало такъ: пшеница дешево продавалась, домъ выгодно сдавался въ аренду, — какъ тутъ устоять человѣку, стоящему во главѣ русского театрального дѣла? Покупали, брали на аренду... а актера хозяинъ гналъ съ квартиры, прачка бѣлье не отдавала: на сцену являлись опять ростовщики-жиды! Я не говорю уже о тѣхъ театрахъ гдѣ жалованье запускается за два, за три мѣсяца... Наконецъ, я бралъ бюджетъ актера, живущаго на частной квартирѣ. Большею же частью мы живемъ по гостинницамъ, гдѣ все въ три-дорога; при частыхъ спектакляхъ, намъ некогда искать квартиру; нашли—не съ чѣмъ перенѣхать; перенѣхали (т. е. попали въ лапы антрепренера или ростовщика)—надо покупать рукомойники, самовары... куда все это намъ, когда черезъ четыре-пять мѣсяцевъ надо тянуть на другія мѣста? Выходить все скверно.

При такихъ условіяхъ дома не можетъ быть весело: неизбѣжна грязня съ хозяйствами, прачками, модистками, прислугой, между собою. Накинутая водовозомъ на ведро копѣйка, потерянный булавки, по-

дымаютъ цѣлые бури... Радешеньки куда нибудь сбѣжать.

Женщины норовятъ въ неспектакльные вечера забраться гдѣ *лото* съ фпниками, орѣшками и двусмысленными шуточками: играютъ до того, что на другой день съ просонья, вмѣсто какой нибудь Палашки, крикнуть *двадцать семь*. Какая нибудь чадолюбивая мать разсказываетъ подъ шумокъ:—И когда мы были въ Житомірѣ, былъ у насть, мать моя, поліціймейстеръ, и совѣтоваль вести мою Катеньку въ консисторію! — Въ консерваторію, маменька! оздѣится на нее дочь. — И въ консервато-рію, душенька! Запамитовала. Другая, вы-крикивалъ номера, передаетъ, какъ видѣла во снѣ своего мужа: — Будто стоитъ онъ передо мною... 18! а я вся дрожу... 45! Сынокъ мой только хохочетъ... 88! что значитъ образованіе-то! 63! Люблю я мо-лодежь... 74! меня вѣдь въ Харьковѣ до-черью университета звали, 71! студенты на рукахъ носили... 13! а теперь сандара-пукъ-вью! (Что значать эти слова — про то она одна вѣдется!).—Ахъ душенька, ка-кія мнѣ картинки лодарили! неребиваешь Катенька. Представьте себѣ... (штаніе на ухо сосѣдки).

Эти типы сплошь и рядомъ, съ малень-кими разновидностями. Напр., я могу на-

считать десятки *неграмотныхъ* актрисъ, которая умѣютъ съ грѣхомъ пополамъ только читать по печатному и только подписать свою фамилію: писанныя же роли имъ начитываютъ или комианьонки или знакомые. На совѣтъ: учитесь, читайте! онѣ отвѣчаютъ: „о, батюшка, не тѣ года наши, чтобъ учиться, а читать... пусть-ка ученые перечитаютъ столько, сколько мы знаемъ пьесъ! Онѣ считаютъ театральный мусоръ за литературу! Явное вліяніе параграфа „уважай всякаго автора“... говорять онѣ *маво, сваво, суборъ* и вотъ эти-то театральные женщины посягаютъ, вы думаете на Марію Стюартъ, Катерину въ „Грозѣ“?—пѣтъ, это силошь и рядомъ—посягаютъ на „Гамлета“! — Я не шучу, я передаю факты... Чего иного ждать отъ существа заброшенаго съ дѣтства, замурованаго въ театръ, полу碌каго отъ жизни, при лампахъ днемъ, усталаго, сонливаго? Я могу указать на актрисъ, которая не выучились даже узнавать который часть. Репертуаръ свахъ, дуръ-бaryшень, сплетница засоряетъ послѣдніе мозги, тѣмъ болѣе, что свои отвратительныя роли онѣ знаютъ *всегда* на зубокъ (мужчины большею частью плетутся по суплеру, актрисы—никогда).

Далѣе идетъ типъ актрисы, ревниво

охраняемой всюду какимъ нибудь Синичкинымъ въ юбкѣ или сюртукѣ. Она читаетъ; книга будить то, чему училась въ ранней юности; серьезно глядить на сцену, а потому спротиво идетъ по ней. Не сегодня—завтра она — старая, завистливая, желтая дѣва или та же бабенка-актриса, у которой чутье чести и самосохраненіе засыпаетъ. Она чуетъ грядущую бѣду и откладываетъ, по совѣту домашней стражи кошечки и рубли, кушая съ нею въ проголодь, живя въ грязныхъ „комнатахъ съ мебелью“, гдѣ согрѣться нельзя, потому что желѣзная печь остываетъ мгновенно, а *настоящую* топить дорого, уснуть трудно, потому что на верху, внизу, съ боковъ—ругнясосѣдей, крики, арфянки, репетирующая квартиры, хористы, выводящіе безконечные рулады.

Къ этой женской группѣ примыкаетъ актриса-камелія, счастливая тѣмъ, что за „бездѣнокъ“, а то и даромъ—служить въ театрѣ. Она только понижаетъ плату и не даетъ ходу несчастнымъ, бѣднымъ „тридцати рублевкамъ“, молча выслушивающимъ всякую ругню режиссера, антрепренера, молча приходящимъ и незамѣтно исчезающимъ изъ-за кулисъ въ свои жалкие углы, къ полудикимъ хозяї-

камъ, которые думаютъ, что на сценѣ *взаправду* убиваютъ людей.

Послѣднее звѣно этой женской театральной цѣпи—актриса—*ребенокъ*. Дома ребенку нужны книжки, платьица; куда ни шло, думаютъ родители, пускай дѣвочка съиграетъ Жоржету въ „Жизни Игрока“, Петю въ „Испорченной жизни“—все заработаетъ нѣсколько рублей. И вотъ дѣвочка учится у матери, или у другихъ актрисъ подрисовывать глазки, пополнять формы, принимать подачки... прислуга, парикмахеры, портные, одѣвалъ ее, не стѣсняются... Готовъ театральный заморышъ. Она болтлива, разсирашиваетъ не впопадъ, входитъ туда, куда ее не зовутъ... на репетиціяхъ потѣшааетъ взрослыхъ декламацией стиховъ, въ которыхъ она не можетъ выговорить нѣкоторыхъ словъ (напр. „не вытвердить море“)... всѣ ждутъ этого мѣста, слова перевираются — взрослые хохочутъ, аплодируютъ, предрекаютъ ей блестящую будущность. Родители въ восторгѣ. Одурѣлые отъ грядущихъ благъ, они сами выучиваютъ ее пѣть *муфточку* и пр.

Я вспоминаю одну встрѣчу.

Въ К., со студентомъ Б., мы попали на одинъ баликъ. Обстановка балика была извѣстная: хочешь-не-хочешь смѣйся,

Танцуй, сочувствуя говоримой ерундѣ — все тоже, что и у насъ въ театрѣ. Одна девушка была совсѣмъ ребенокъ. Ей блѣдное, строгое личико, синіе глубокіе глаза, съ первого взгляда останавливали на ней вниманіе. Всѣ ея движенія, выраженіе голоса, маленькая морщинка на лбу, спущенные углы губъ, все говорило, что она пережила большое горе. Мне все казалось, что я гдѣ-то видѣлъ это строгое личико, эти синіе глаза. Но гдѣ? когда?

— Можно подкараулить сонъ? спросила она у Б.

— Какъ?

— Ну, когда онъ приходитъ?

— Фю-ю! Нѣтъ, барышня, эту штуку за хвостъ не поймаешь.

Б. взялъ у одного изъ музыкантовъ скрипку и началъ играть. Скрипка подъ его рукою заговорила о радостяхъ хорошаго міра, объ улыбкѣ дитяти, о честномъ хлѣбѣ; звуки лились, какъ черная лента; мы притихли, замерли. У девушки сипались слезы...

— Это вы что-же? Такъ-то-съ! замѣтилъ онъ, — и вдругъ какъ вихрь врывается въ расшибленное окно, ворвались огненные, бѣшеные-веселые звуки. „Ней! бей!“ крикнулъ онъ, скрипку подъ мыш-

ку, и угодилъ стаканомъ въ собаченку вертѣвшуюся на полу.

— „Не смѣйте!“ крикнула дѣвушка. Б. ошалѣлъ, такъ чуденъ былъ звукъ этого голоса. Онъ притихъ, чувствуя, что нечаянно обидѣлъ лучшаго друга, какимъ не бываютъ крещеные друзья. „Дружокъ мой, дружокъ!“ говорила она, всхлипывая и цѣлуя собаку, точно милаго человѣка.

Я вспомнилъ! Вспомнилъ эту дѣвочку съ собакой.

Лѣтъ шесть передъ тѣмъ, я игралъ на ярмарочномъ театрѣ въ Р., у насть въ труппѣ не хватало второй старухи и антрепренеръ прихватилъ мѣстную актрису, жившую въ городѣ. Неряшливая, злая, попромашка, она заставляла таскать свой узель съ костюмами племянницу, дѣвочку лѣтъ девяти. Въ уборной тетка обращалась съ нею варварски: за всякую малость щипала, колотила, колола булавками. На ней она срывала то, что сама въ оно время терпѣла. Разъ дѣвочка, какъ теперь помню, замѣчательно хорошо сыграла мальчика въ только-что вышедшій тогда „Испорченной жизни“, за что и получила отъ антрепренера три пирожныхъ! — А ты, шельма, стань на колѣни передъ цимъ, заплачь! учila се тетка за

кулисами, проси полтинникъ... дастъ, мерзавецъ, сборъ хороший! „Мерзавецъ“ даль двугривенный. Я жилъ близехонько отъ нихъ; на репетицію и въ спектакль онѣ ходили всегда мимо моихъ оконекъ. Тетка часто останавливалась поболтать о горькомъ своемъ житьѣ, дѣвочка подымалась на цыпочки и робко заглядывала въ комнату; какъ-то я подарилъ ей чучелку колибри и радости ея не было конца. На репетиціи ее постоянно сопровождала собачка. Дѣвочку звали Наташой.

Неужели это она?

Б. принялъ цѣловаться ея руки, сталь на колѣни. Бейте, бейте скотину, только не плачьте!

— Что вы на меня смотрите? спросила она меня зло.

— Я вспомнилъ одну дѣвочку, у нея только и было радости, что собачка. Вы очень похожи на нее.

Она затряслась, зрачки ея расширились, точно передъ нею стояло привидѣніе. Она меня узнала. Я чувствовалъ, что она узнала „дядю“, который подарилъ ей птичку. Она потупилась и отвернулась.

— Кто же... кто она? спросила она беззвучно.

— Ее звали...

— Ну...

— Помните дядю съ птичкою, Наташа?

— Оставьте... оставьте! вырвалось воплемъ изъ ея груди и, закрывъ лицо руками, она зарыдала. Она рыдала долго, неудержимо. Хозяйка на насъ раскричалась--и выгнала...

Ей было четырнадцать лѣтъ съ небольшимъ...

Пока цѣль нашъ театральный кодексъ, падающій всею тяжестью на актрису, она съ своимъ „правомъ“ на заработокъ все будетъ тащиться по тернистому пути...

Ключи отъ счастья женского,
Заброшены, потеряны...

скажу словами поэта. По всему нашему театральному царству мелькало пять-шесть иныхъ личностей. Только пять-шесть! Одну изъ нихъ, Н. И. Б., должны хорошо помнить волжскія труппы. И теперь еще я вижу ея милую улыбку, грѣющую всякаго. Она жила чистая, какъ росинка. Она скорѣе рѣшалась начернить свои чулки жженой бумагою, чѣмъ сказать мужу „горничная потеряла мои простые башмаки“: разорвать свою бѣлую юбку на узкія полоски, смастерить изъ нихъ въ минуту бальные галстухи для выходящихъ актериковъ, только чтобы „не разсердился на нихъ онъ“... Она оставила по себѣ

на землѣ лучшій слѣдъ: одного она выручила совѣтомъ, другаго деньгами, третьему разбрѣшила сомнѣнія, четвертаго убругла отъ бѣшенства мужа-антрепренера... Миръ и покой ей!

Что же во время этого поголовного „замиранія“ женщины дѣлаютъ мужчины-актеры?

Они не возмущаются, когда ихъ женъ и дочерей прячутъ въ ложи-голубятни, „чтобъ не обидѣлись дамы“. Они назначаютъ пьесы, раздаютъ роли,—по наполнѣванію этихъ женъ и дочерей, тихонько, изъ-подворотни, — но явно признать ихъ голосъ и права — преступленіе. Все это говоритъ только, что и мужская группа, въ чаду пелѣпостей, потеряла обликъ *человѣка*.

Отъ домашняго очага мужчины улепетываютъ въ чайное заведеніе, въ трактиръ, къ знакомому. Но трактиръ и чайное заведеніе почему-то не даютъ *былой успокоительной прелести*. Выпиваютъ по рюмочки, побалуются чайкомъ, билліардомъ, поропщутъ на неправды, вспомнятъ подвиги Милюковскаго, глянутъ въ газеты, коли есть что о театрѣ, или какое страшное убийство... И опять „скука-то, скука какая! Хоть бы спектакли выдумали каждый день, что ли!“ Читать? Книги

какія-то неинтересныя... Да и сердце щемить: женѣ нужно скоро богатое платье... что-то она часто бесѣдуетъ съ нимъ... фракъ обили лакомъ... вчера публика лучше приняла Н... рецензентъ обругалъ... жалованья не платятъ... Пойду лучше къ Х.—звалъ поболтать. Пришелъ. Все знакомые, есть кое-кто изъ товарищъ... И зачѣмъ Х. ихъ приглашаетъ? Выпилъ, съѣлъ кусочекъ селедочки, кусочекъ сырь. Повеселѣе стало. Какъ будто и хорошо: Наполеонъ... дороговизна... совершенство театра у какихъ-то мормоновъ, гдѣто въ Америкѣ... крючекъ Х. на счетъ подарочка въ бенефисъ... Кто-то сказалъ обидное мнѣніе... отклинулся: „обида Делагарди!“ братъ... „брать, отдай любушку за Митю!“—обрушилась стѣна... „обрушился на меня ты зданье вѣковое!“ Глядь—все и сбились на рѣчи въ родѣ:—У тебя вѣдь накладка.—Ну, и ты старъ: зубы-то вставные. — Грустно, что у публики въ одной цѣнѣ и ананасъ и огурецъ! — Ты не кричи. А лучше, голубчикъ, сними накладку,—ха, ха, ха!..—Не хочешь? Ну дай, я сниму. — Только попробуй! только попробуй!! Гыръ-Гыръ, и пошло... и пошло... Разошлись, не кланяясь. Враки. Хочется мстить. Готова машина, все принимающая и все извергающая... Париж-

махеръ проглотилъ „свинью“, суплеръ—„скота“; маленький актерикъ, дожидавшійся его реплики и опоздавшій сказать свою рѣчь потому только, что реплика переврана,—сѣдль „саложника“. Режиссеръ отправленъ къ чертамъ (тономъ ниже); антрепренеру за постановку ерунды тоже досталось (подъ сурдинку)... Къ антрепренеру въ это время лѣзъ „маленький“ съ просьбою „пяти рублей“.—„Убирайся!“ кричить антрепренеръ, мнѣ, молъ, плевать на тебя, что ты? холопъ, работникъ мой: захочу прогоню, захочу—оставлю — ну, и ие лѣзъ! Меня вотъ онъ разсердилъ, его я выгнать не могу—публика любить, а тебя могу. И молчи“. И молчитъ! Грустна жизнь „маленькаго“. А нѣкоторые изъ нихъ въ недалекомъ будущемъ затыкаютъ за пойсъ многихъ „тузовъ“... Едва-ли гдѣ есть такое чинопочитаніе, какъ въ театрѣ. Маленькихъ не считаютъ даже нужнымъ увѣдомлять, когда и въ чемъ они заняты, а должны они цѣлые дни дежурить въ театрѣ и быть готовыми безъ отговорокъ влѣзать во всякую шкуру. Они, какъ псы, должны глядѣть въ глаза старшимъ. Иначе старшій обзоветъ его болваномъ, или заореть: да я ему (или ей) рыло разобью! Или я служу, или онъ (или она)! — Ну, маленькаго и выго-

няютъ... И какъ имъ, этимъ тузамъ, не втянуться въ такой порядокъ! Актропренеры и режиссёры уважаютъ ихъ „какъ того заслуживаетъ талантъ“. Имъ даютъ отдельные уборные, по двѣ свѣчки; а маленький одѣвается въ какомъ нибудь куточкѣ, съ однимъ огаркомъ, — точно ему нужно не такой же величины мѣсто, не та же гримировка! Этимъ губернаторамъ небывалаго острова въ голову не влется мысль, что-молъ я на *сценѣ* — большой, на *сценѣ* мнѣ роль и славный пріемъ, а за кулисами, въ уборной, дома, я такой же человѣкъ, какъ и этотъ маленький; не надо трактовать его какъ собаченку, какъ бездушную вещь: обида ему также горька, какъ и мнѣ!

Вызовы публики, сорванные на другихъ злоба, время, усмиряютъ разъяренного. Что-то зашевелится въ душѣ, блеснетъ... — Ахъ ты жизнь, жизнь! думаетъ онъ, идетъ домой. На какую-же дрянь ты уходишь! Стоило же изъ-за такого пустяка... И *ее* обидѣть! Скверно.

Проснувшись человѣкъ ищетъ учителей, дотягиваетъ ребенка до гимназіи. Цыганская жизнь родителей начинаетъ швырять дѣтей изъ одной гимназіи въ другую, или бросаются они на чужія руки. Все-таки они *учатся!* утѣшаютъ

себя родители. Мальчика дотяну до университета, а девочки—что! девочку выдам замужъ. Время летить... Денегъ нужно больше и больше: сталъ что-то похварывать... катарръ... камни выходятъ... ревматизмъ пострѣливаетъ... сына за что-то выключили... Денегъ не хватаетъ. Но ихъ можно достать: нужно только плясать по дудкѣ антрепренера, играть все, убить самоуваженіе, умъ, сердце... лишній бенефисъ „подарять“! Бери, унижайся, притворяйся... пока силы.

Силы? А тѣ ли у него силы? тотъ ли онъ? На его мѣсто прутъ молодые... и откуда они вынырнули? ничего не было слышно... и вдругъ! Роли уходятъ... хозяева обѣгаютъ... Не сегодня, завтра—инвалидъ!

Зачѣмъ такому жить? Для девѣй? Они его не любятъ. Онъ не умѣлъ быть отцомъ. Онъ не помогъ и ей быть матерью. Для семьи театръ, какъ онъ есть, сдѣлалъ одно: вырвалъ типы отца, матери, мужа и жены, поставивъ на ихъ мѣсто говорящихъ попугаевъ.

Не возражайте мнѣ на это, мои товарищи, не кричите мнѣ: „это ложь“! Я знаю, изъ тысячи отцовъ, матерей, мужей и женъ вы мнѣ укажете десятокъ исключи-

ченій--и только! А остальное... какъ живетъ? въ *кого* преобразилось? кто дѣти ихъ? какъ они уберегли ихъ, гоняемые изъ угла въ уголъ? Нѣть, молчите лучше — вы сами себя убьете крикомъ: „ложь“!

Сиротливо стоитъ новый типъ. Но уже и то много, что подъ двойнымъ прессомъ театральныхъ хозяевъ и выходокъ публики онъ намѣтился... Переberемъ же отживающіе мужскіе типы въ *pendant* къ новому.

Первый. Замѣчательный талантъ, истрачившійся на французскій фейерверкъ, обманъ, сальности, женщинъ, — стоящій то за товарищей, то за хозяина, смотря гдѣ выгоды, а не правда. При удачѣ деспотъ, топчуцій ногами честь и любовь; въ черные минуты — Лиръ въ степи, ребенокъ, хватающійся за пистолетъ. Выступающій на сцену въ 40-хъ годахъ, сдавленный крѣпостнымъ періодомъ жизни русскаго актера, онъ растерялъ всѣ чистыя крупишки въ борьбѣ за существованіе: ничѣмъ не брезгалъ — и все-таки нищій. Какъ пришло, такъ и ушло!

Второй. Тоже не послѣдній боецъ за свое существованіе, однолѣтокъ первого. Слава его также громка въ Россіи. Темная наша трясина заставляла его въ одно время пить, „поднимать хвостъ кольцомъ“,

да что — легче не было! Пьяный дрался
биль... хуже! Теперь онъ тихъ, угрюмъ,
вслушивается въ „новыя иѣсии“, глаза
загараются; но стоитъ подойти антрепре-
нериу и старый босцъ насуливаеть
брови, спина сгибается, глаза тухнутъ.
Товарищи его любятъ. Рецензенты нахо-
дятъ, что въ роляхъ „отцовъ“ не отсталъ
отъ новаго вѣянія.

Третій. Звѣзда меньшей величины, но
все-таки звѣзда, извратившая интересы
артиста и человѣка страстью антрепре-
нерствовать, и потому — хищникъ, гнущій
сотоварищей въ бараній рогъ... что не
мѣшаетъ ему толковать, что его все любятъ,—а его все проклинаютъ.

Четвертый. Полагаетъ все назначение
артиста — въ хорошо вызубренной роли,
въ элегантномъ костюмѣ; заносчивый и
нахальный съ меньшеокладными (вообще
съ болѣе молодыми); счастіе жизни — въ
квартирѣ съ коврами, въ возможности
имѣть своего лакея, въ никозномъ обѣдѣ.
Имѣй онъ талантъ, его можно было бы
назвать меньшимъ братомъ первого типа.

Пятый — самый обильный. Всюду вти-
рается съ своею омерзительно-сладенькою
улыбкою, всюду наушничаетъ, будь онъ
по виду баринъ или лакей. Подземною
работою забираетъ въ руки антрепрене-

ра, дѣлается его совѣтникомъ. При удачѣ самъ снимастъ какой нибудь театръ. Инымъ изъ этого типа помогаютъ статьи красиваго мужчины, богатый органъ голоса, барскія манеры... являются покровители и покровительницы... тутъ ужъ дорога широкая! Обиженные же природой, будь они даже супфлеры, цѣлую ночь напролетъ тихонько списываютъ библіотеку, „зачитываютъ чужія пьесы, продаютъ списанное и „зачитанное“ во вновь обзаводящіеся театры или любителямъ, вырученныя сотни отдаютъ на проценты, при случай выручаютъ своего патрона, втираются въ режиссеры... и мгновенно перерождаются: заискивающая улыбка исчезла; имя, отчество товарища, передъ которымъ вчера вскакивалъ, какъ лакей,— забыто; актрисъ принимаетъ въ халатѣ; рецензентовъ напаиваетъ до „ты“... чѣмъ больше онъ вынесъ униженій, тѣмъ гаже онъ начальникъ, а не за горами и „хозяинъ“. Таланту въ этомъ типѣ ни на громъ, по смѣлости и театральной рутинѣ—бездна.

Шестой. На опытѣ испыталъ и видѣлъ, къ чему ведеть протестъ; а потому вѣчно понурый, вѣчно печальный, вѣчно на вторыхъ роляхъ, не смотря на талантъ. Вся фигура его, въ какомъ нибудь порыжѣ-

ломъ пальто, какъ бы говорить: „терпите, сожмитесь — ничего мы не подѣляемъ! Тутъ и не намъ чета — орлы выносить! Тащите лучшее ваши лохмотья жидамъ-ростовщикамъ. Нѣтъ другаго, ничего нѣть!“ — Денегъ у этого типа пропало за антрепренерами нѣсть числа... На 50—75 р. жалованья онъ кормить семью, живеть верстъ за пять отъ театра, не входить ни въ какія дрязги, любить баню до страсти, усердно молится въ церкви, попивається чаекъ за газетою въ какомъ нибудь трактирчикѣ (газету читаетъ отъ доски до доски). Когда ужъ очень допекутъ его неправды, позволяетъ себѣ кутнуть. Затаенный протестъ этого типа выбивается тогда фразой: „жалко, люди погибаютъ!“

Далѣе слѣдуетъ типъ „маленькаго“ актера, вѣчно прячущійся гдѣ-то по углкамъ, у порога; уныло и злобно глядить его лицо, и одежда, и обувь; ему не отвѣчаютъ на поклонъ, его толкаютъ, гоняютъ, ругаютъ; ругаютъ за все: за сапоги, въ которыхъ вышелъ на сцену, за мѣшковатую фигуру, за пропущенную строчку въ росписанной имъ пьесѣ на роли; — а онъ молчитъ, или робко лепечетъ: на улицѣ грязь... жена больна... Многіе изъ этого типа, гоняемые изъ одного гнилаго

театра въ другой, кончаютъ свою карьеру престыдъ театральнымъ рабочимъ. — Въ горькой долѣ этого типа много виноваты наши драматурги, унаваживая свои пьесы *куриными* ролями; они дадутъ отвѣтъ за него. Эти роли неизвѣстно для чего являются, не извѣстно для чего исчезаютъ. Какую роль въ „Горѣ отъ ума“, въ „Ревизорѣ“, вы назовете лишней, ничтожной, недостойной большаго актера? Ни одной! Даже нѣмой швейцарь — и то роль... Но много ли такихъ пьесъ? Да, гг. драматурги, вы создали этотъ типъ и, по малой мѣрѣ, достойны названія „родственниковъ“ антрепренеровъ.

Типъ актера-чальчика тотъ-же, что и девочки. Онъ только счастливѣе тѣмъ, что скорѣе можетъ уйти навсегда изъ театра...

Это сще не всѣ. Въ мужской группѣ, есть типъ актера *послѣ смерти актера*. Актриса, оставляющая сцену по болѣзни или за старостью, теряется безъ боли въ рядахъ женщинъ другихъ сословій: она находитъ себѣ занятіе въ томъ уголкѣ, где суждено умереть — она ищетъ, вяжетъ, мостъ, пяньчитъ... она не даромъ Ѳеть хлѣбъ. А актеръ-инвалидъ? Какъ ему дальше жить? что онъ умѣеть и можетъ дѣлать? Роли писать? Но развѣ это окунуть то, что тратятъ на него близкіе —

жена, дочь, сынъ?... Они его должны тащить съ собою за тысячи верстъ... тратиться на докторовъ, аптеку... одѣватъ... А онъ такъ привыкъ самъ добывать все себѣ! Перебиралъ жизнь „кормильцевъ“, онъ видитъ свою жизнь. Онъ сознастъ, что тормозитъ ихъ жизнь и свободу... Онъ начинаетъ прятаться отъ живыхъ, какъ Баболенъ боится напоминать о своемъ существованіи..., голодаетъ..., обнищавается... душа разбивается на кусочки и по этимъ живымъ еще кускамъ бьетъ до страшной боли сознаніе, что онъ *никому не нуженъ*, всѣмъ въ тягость. Изъ всѣхъ угловъ звучитъ ему: въ тебѣ павсегда исчезъ *человѣкъ*... ты пятерка никъ, разорванная и брошенная подъ столъ... ты не стоишь и корки хлѣба, потому что ты ни отецъ, ни мужъ — ты не умѣль ими быть! Зачѣмъ дальше жить, хоть день жить?

Вотъ и вся мужская „сила“. Въ комъ искать себѣ подмоги новому типу? Одно достоинство: пьютъ, подъ часъ много пьютъ, по пьяницъ пѣтъ. *Типъ пьяничущих выпалъ...*

Многіе изъ нихъ не стары. Они только изувѣчены, заживо скончаны. У многихъ были въ душѣ сокровища; у нихъ и теперь тлѣтъ искра божья... но долго-ли она будетъ тлѣтъ подъ ежеминутными брызгами театральной волны?

XIII.

Исканія лучшаго.

Ъ НЕДАВНЯГО времени начинаеть распускаться рѣдкій цвѣтокъ: тишина закулисныхъ дубравъ чаще и чаще нарушается глухими толками объ общинѣ актеровъ. Толки подъ часъ смѣшные, порыванія дикія: видимо толкующе не понимаютъ ясно въ чемъ дѣло.

Какъ быть! Мы еще переживаемъ идеальный, юношескій возрастъ. Много-ли еще между нами, не скажу развитыхъ, а образованныхъ актеровъ? И двухъ десятковъ не назовете. Два-три пишущихъ актера пробавляются не тѣмъ, что у нихъ подъ носомъ: у нихъ не хватаетъ храб-

ности открыть тяжелыя ставни театрального міра — ихъ съѣдять живьемъ. Писатели—не актеры... развѣ они знаютъ пружины нашей жизни? Отъ того и лопались театральные изданія, что въ статьяхъ не было истины. Напримеръ, журналъ „Русская Сцена“ восхищался правилами одесского театра (какія это правила, мы видѣли въ X-й г.), — и въ какое время! когда, въ силу новыхъ условій русской жизни, рванулась на сцену образованная молодежь. Поддержки этой молодежи ни откуда не было: ни отъ прессы, ни отъ публики, ни отъ товарищей, ни даже отъ близкихъ, иначему-либо дорогихъ существъ.

Я знаю, напримѣръ, одного актера, который шесть лѣтъ собиралъ материалы для исторіи русскаго актера. У него было, между прочимъ, до сотни писемъ актеровъ 20—40 годовъ. Рукопись была кончена, оставалось только перебѣгнуть. Въ одну ночь онъ вернулся домой поздно. Запахъ жженой бумаги охватилъ его. Но друга жизни спала въ креслѣ у потухшой печки.

— Что такое? Что тутъ горѣло?

Она потянулась, раскрыла глазки и зѣвила. — Это ты? Какъ это я тутъ успѣла?

— Отчего пахнет гарью?

— Теперь тебя, голубчикъ, не будутъ ирокзинать товарищи... глаза перестанутъ болѣть, ты не ослѣнишься... Я сожгла все твои бумаги... все онѣ тамъ!

Она по своему была *права*...

Но голоса и убѣжденія этой молодежи, ранѣе или позже, должны были освѣжить закулисную жизнь. Такъ и вышло. Университетъ не подарилъ сцены Мартыновымъ, но университетъ далъ ея работницамъ идею лучшей жизни, въ которой не отдаются одному человѣку все свои способности, умъ, душу, талантъ, семью. Призракъ вѣчной необезнеченности, неотбойной нужды, окользваніе въ больницахъ, было хорошею почвою для посѣва.

Пришибленный театральный людъ началъ *громче* сомнѣваться въ законности правъ дубинъ. Полбенефисы, эта обманчивая лоттерея, выгодная только вертящему колесу, начинаютъ исчезать: требуютъ или известной цифры за сезонъ или обезнеченныхъ полбенефисовъ. Цифра *свыше* обезнеченія выигрываетъ въ высшей инстанціи суда въ *ползу* актера.. *). Въ 60-хъ годахъ я засталъ *запой*;—теперь

*) Извѣстное дѣло аитреаренера Медвѣдева.